

тогда былъ нищимъ Пѣшаго базара и не было у меня ни одного пѣнзя, чтобы купить вѣнецъ своей царицѣ. И двуногіе шакалы безжалостно растерзали мою голубицу, измяли и растоптали мою едва распустившуюся альпійскую розу... Незадолго до знакомства съ Розой, одинъ мой товарищъ, такой же скиталецъ, какъ я, уѣхалъ въ Сибирь искать счастья. Я уже думалъ, что онъ погибъ въ своихъ бесплодныхъ поискахъ, какъ вдругъ неожиданно получаю отъ него письмо. Зоветъ къ себѣ, сулитъ горы золота... Я рѣшилъ ѣхать. Роза обливалась слезами; я хотя и утѣшалъ ее, обѣщаясь пріѣхать за нею, какъ только устроюсь, но сердце у меня ныло. Страшно мнѣ было оставлять этого ребенка на произволъ судьбы. Предчувствія мои оправдались. Когда я возвратился, Роза моя сидѣла въ тюрьмѣ. Она будто бы убила своего собственнаго ребенка,—ха! А развѣ она сама не была убита?... но ея невѣдомый убійца спокойно гулялъ себѣ на свободѣ... Разумѣется, Розу оправдали, осудить ее было бы чудовищно. Я ждалъ этой минуты съ нетерпѣніемъ, чтобы скорѣе имѣть возможность утѣшить, приласкать обиженнаго ребенка. Но Роза не вынесла своего позора; выходя изъ суда и увидѣвъ меня, она не задрожала и упала въ обморокъ. А черезъ два дня ее не было на свѣтѣ,—она отравилась спичками. Съ этихъ поръ, Лечка, я сталъ пить...

Діодоръ на минуту смолкъ. Потомъ допилъ свой стаканъ и продолжалъ, вперивъ свой неподвижный сверкающій взоръ въ пространство:

— Но у меня оставался еще талантъ. Въ немъ сосредоточилось для меня все: и любовь, и дружба, и цѣль жизни. Я вѣрилъ въ него, лелѣялъ его, какъ любимое дитя. Работалъ надъ нимъ, обтачивалъ и шлифовалъ... Мнѣ хотѣлось сдѣлать изъ него колоссальное огниво, которымъ я могъ бы высѣкать искры божественнаго огня изъ самыхъ безчувственныхъ людей. Я хотѣлъ заставить содрогнуться отъ тоски самое зачерствѣвшее сердце, хотѣлъ вызвать цѣлые потоки слезъ изъ никогда не плакавшихъ глазъ. Но хотя меня встрѣтили рукоплесканіями, хотя мнѣ удавалось уловить со сцены общій вздохъ тысячи грудей, въ то время, когда, среди трепетной тишины, властительно гремѣлъ мой одинокій голосъ, —но я все-таки былъ недоволенъ. Измученный, потрясенный, я падалъ послѣ монолога гдѣ-нибудь за кулисами, на кучѣ сваленныхъ декорацій, и шепталъ: „не то, не то“... Эта мысль отравляла все мое существованіе, не давала мнѣ покою ни днемъ, ни ночью, преслѣдовала меня и во снѣ, и на яву. Иногда она являлась мнѣ на сценѣ, въ то время, когда я исполнялъ